

Аким Волынский

Воскрешение мертвых

Аким Волынский

Воскрешение мертвых

«Public Domain»

1918

Волынский А. Л.

Воскрешение мертвых / А. Л. Волынский — «Public Domain»,
1918

«Николай Федорович Федоров представляет собой оригинальнейшую личность, созданную русской культурой. Все без исключения знавшие этого человека отмечают его совершенную самобытность. Биография его крайне проста...»

© Волынский А. Л., 1918

© Public Domain, 1918

Содержание

I. Мелхиседек	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Аким Волинский

Воскрешение мертвых

I. Мелхиседек

Николай Федорович Федоров представляет собой оригинальнейшую личность, созданную русской культурой. Все без исключения знавшие этого человека отмечают его совершенную самобытность. Биография его крайне проста. Происхождение загадочно. Он был незаконнорожденным сыном кн. Гагарина и какой-то пленной черкешенки, как рассказывал один из учеников Федорова, Сергей Михайлович Северов, в беседе со мной. Умер он 15 декабря 1903 года, прожив свыше семидесяти пяти лет. Деятельность его была очень скромная: сначала он был преподавателем географии и истории в разных уездных городах, а затем состоял на службе, до конца дней своих, по библиотечной части в Румянцевском Музее и в Московском Архиве [Министерства] иностранных дел. Федоров не любил распространяться о своей жизни, и даже такие приближенные к нему ученики, друзья и почитатели, как Н. П. Петерсон и В. А. Кожевников, плохо осведомлены в этом отношении. А между тем был момент, когда вся Москва с умилением произносила имя Николая Федоровича Федорова. Многие, не знавшие его фамилии, знали только Николая Федоровича – так интимно, так сокровенно, так любовно-симпатично относилась к нему интеллигентная Москва.

Но откуда возникла такая неожиданная известность маленького по своему социальному положению человека, заведовавшего каталожной комнатой обширного Румянцевского Музея? Известность эта сложилась как-то сама собой, подкрадывалась к нему со всех сторон, с огромных столов библиотеки, обложенных и заваленных книгами. Какой-то неведомый благодетель подсылал и подсылал даже ученым читателям не только то, чего они ожидали, но и многочисленные материалы книжного и журнального характера, относящиеся к теме их занятий. Просматривая требовательную карточку, Федоров сразу догадывался, каким вопросом науки или литературы вы интересуетесь, и сразу же делался вашим ближайшим и нужнейшим помощником, совершенно неожиданно для вас самих. В голове этого человека, казалось, пребывали все книги Румянцевского Музея раскрытыми и постоянно перелистываемыми по каждому частному поводу. Он знал не только все книги, требуемые в читальную залу, но помнил статьи по самым разнообразным вопросам, помещенные в журналах и газетах. Память Н. Ф. Федорова была феноменальная, и состязаться с ним в начитанности и эрудиции не мог решительно никто, ни Ключевский, ни Влад. Соловьев, не говоря уже о деятелях литературных, никогда не блиставших в России богатством научных сведений. Вот что прежде всего сделало популярным Федорова в Москве. В нем всю жизнь память стояла каким-то пылающим светом, который он из своего рефлектора направлял всюду, куда оказывалось нужным в данную минуту. Прошлое всплывало в нем светящимися полосами, озаряя для каждого путника его дорогу. Эта неразрушимая связь с прошлым во всех его видах, в разнообразии исторических этапов, сказывалась во всех мелочах его жизни. Это был не архивариус, а живой сын минувших времен и поколений, и беседы его на исторические темы, записанные его учениками, походили на рассказы очевидца. В серых глазах Федорова, под большими лохматыми бровями, под открытым лбом, уходившим в обширно-вместительный череп, была бесконечная бархатная глубинность и звучание бесчисленных колоколов из отдаленнейшего прошлого. Оттого этот сгорбленный старик, всегда погруженный в безбрежные книжные фонды, производил на всех неотразимое впечатление, несмотря на бедный костюм, отсутствие крахмальной манишки, на тихость и скромность его почтительного обращения с людьми. Он слушал собеседника внимательно, вникая во все оттенки его мысли. Но возражения Федорова, особенно в споре с учениками, носили

характер шумного и яростного водопада. Тут он казался непреодолимым, потому что в могучей диалектике этого человека, кроме стальной логики, прошлое и будущее смешивались вместе, спаянные историческим и моральным цементом. Светоносные отражения прошлого создавали какой-то иконописный ореол вокруг того общего дела жизни, которое он называл проектом будущего. Отсюда эта изумительная насыщенность каждого его слова, каждого наброска его пера, каждой его беседы с кем угодно и когда угодно на любую тему. У Влад. Соловьева, при обычной напряженности его интеллектуального механизма, были в душе зияющие пустоты, которые он наполнял своим безудержным, свистящим и брызгающим смехом, производившим отталкивающее впечатление. Вдруг разговор прерывался, и наступала томительная и бессодержательная пауза. Смело можно сказать, что такие пустоты наблюдались и у Л. Н. Толстого. Мысль его была какая-то кругло-маленькая, каратаевски-гармоническая, бездорожно-уездная и быстро исчерпывающаяся при лихом своем размахе. Я не имел чести знать Достоевского. Но в произведениях его бесконечная повторяемость в бесчисленных вариантах одних и тех же тем и мотивов дает чувствовать его почти осязаемую предельность, которая в живом разговоре могла давить разве только своим фанатизмом.

Не таков был Н. Ф. Федоров. Он черпал из бездонных глубин и метал свою логику с аполлиническим дерзновением в беспредельные дали веков. Казалось, он говорил о чем-то совершенно несбыточном и на первый взгляд несимпатичном. Воскрешение мертвых, даже католически принятое в церковной догматике воскресенье, – что это за тема для интеллигентного общества Москвы и Петрограда? При первом знакомстве с учением Федорова, как рассказывает об этом Н. П. Петерсон в неопубликованной еще его рукописи, Л. Н. Толстой почувствовал себя неприятно пораженным. Многие другие только пожимали плечами. А между тем стоило два-три раза хорошо поговорить с Федоровым, как собеседник оказывался в плену. Мысль его была не только отвлеченная или схематическая, но живая и конкретная. Невидимое делалось в его словах зримым, почти осязаемым, так что диалектический напор его собеседника приобретал неотразимый характер.

Федоров умер девственником, никогда не зная женщин. Даже общества женщин он не искал и, кажется, не любил. Обуревали ли его страсти, мы в точности не знаем. Только однажды, на прямой вопрос Ю. П. Бартенева о сексуальных страстях, Федоров глухо пробормотал, что страсти не угаснут никогда. Вся половая энергия этого человека почти целиком уходила на работу духа, и только минутами могла давать о себе знать. Этот естественный аскет и девственник был недоступен никаким материальным соблазнам и никаким потребностям комфорта, кроме теплоты, которую он любил, стакана горячего чая и солнечного света. Посетив однажды в Москве своего ученика С. М. Северова и увидев попытки его собрать книжный материал в музей и библиотеку, Федоров сказал ему: «Все это хорошо, но помните, что самое худшее в мире это идолопоклонство перед вещами – вещьлюбие, быть в плену у вещей». Характерные слова в устах человека, духовно обладавшего всеми богатствами Румянцевского Музея. Федоров спал на сундуке, без подушки, подложив под голову кулак, спал непостижимо мало часов, но вставал всегда бодрый и готовый к работе, – и так всю свою долголетнюю жизнь. Петерсон рассказывает, что Федоров не любил видеть спящего. Спящего человека ему хотелось разбудить, и этим он отличался от Толстого, которому было жаль разбудить спящего. Н. Ф. Федорова можно было бы изобразить на картине подходящим ко всем одам, где лежат люди, оцепенев от сна. Не должно быть ни одного спящего человека! Все должны бодрствовать постоянно, потому что человеку предлежит величайшая в мире работа, являющаяся его долгом – долгом воскрешения мертвых. Воскресных дней в церковно-традиционном смысле слова и еврейских суббот Федоров не признавал. Он сурово осуждал всякий вид прекращения работы, по каким бы поводам оно ни происходило. Всякая забастовка была ему ненавистна. Оттого ему было ненавистно и учение Л. Н. Толстого о неделании, заключающем в себе элементы преступного квиетизма. Вообще Л. Н. Толстой, с его поверхностными толкованиями

богословских тем, с его легковесно-рассудочным протестантизмом, был пунктом его вечного полемического кипения. Он отказывался спорить с ним, называл его лицемером, никогда не протягивал ему руки. Великого художника он объявлял иностранцем, пишущим Бог знает что о России, хотя сам Л. Н. Толстой, сознавая мудрую прелесть Федорова, ласкался к нему постоянно, искал сближения с ним и на бумаге подтверждал, что он гордится быть современником Федорова.

Невольно задаешься вопросом: чем объясняются эти постоянные попытки сближения и суровые отказы в приеме человека, художественный гений которого Н. Ф. Федоров признавал неоспоримо? Это были два совершенно противоположных человека, особенно в вопросах теоретической мысли. Философская работа Толстого, отрешенная от преемственности по отношению к прошлому, так сказать, без аргументов исторической науки, бледно бескрасочная и национально бестелесная, без костей, без архитектурного скелета, какая-то манная каша для крестьянских ребятишек Ясной Поляны, противоречила всем интеллектуальным вкусам Н. Ф. Федорова. В апологете же прошлого чудно сжатой картиной жила история всех стран мира, с ее дворцами, храмами и соборами, с ее кораблями и аэропланами, с ее вечевыми колоколами Московской Руси, с ее народными потоками, могущими в порыве волевого энтузиазма в один день соорудить церковь. Этот старик с длинными и седыми волосами, с раздвоенной квадратной бородой, в заношенном черном сюртуке и высоко поднятом жилете мог казаться московским Сократом. На взгляд столь невзрачный и бедный, он вдруг обнаруживал, раскрываясь, все несметные богатства своей души. В нем как бы горели свечи всех алтарей и пылали огни всех жертвенников. Внутри его были бесконечные палаты и хоромы, с царями и вельможами, волхвами и магами, а также и крошечные комнатухи с незаметными героями ежедневного труда. Он отвращался от пустынного в этом отношении Л. Н. Толстого, как бы оберегая свои свечи и лампы от врывающегося ветра, бесплодно все угашающего. Однажды Н. П. Петерсон был в гостях у Л. Н. Толстого. В это время небольшая компания собралась у В. А. Кожевникова. Тут были, между прочим, Бартенев, Ивакин и Северов. Вдруг входит в гостиную Петерсон и говорит с некоторой торжественностью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.